

В.В. Абраменкова

Игра и игрушка в детской субкультуре и ответственность взрослых

Абраменкова Вера Васильевна — доктор психологических наук, зав. лабораторией «Социальная психология детства» Института психолого-педагогических проблем детства Российской академии образования (ИППД РАО), профессор МГППУ.

Статья посвящена анализу содержания детской субкультуры современного ребенка, значению игры и игрушки для ребенка и культуры взрослых. Обращается внимание на недопустимую спекуляцию детским фольклором в коммерческих целях и на необходимость социально-юридической экспертизы продукции для детей.

Игрушка — одна из фундаментальных универсалий человеческого бытия, служащая для передачи ценностей культуры и опыта поколений. Игрушка является орудием социализации, своеобразным звеном между ребенком и предметным миром, а также частью детской игровой реальности [2, 6, 12].

Велико значение игрушки:

- **для общества** это — предмет **культуры** («зеркало культуры»), посредством которого передается в особой «свернутой форме» состояние современной цивилизации. Какова культура, таковы и игрушки;
- **для взрослого** игрушка — важнейшая составная часть образовательной среды, посредник **общения** (малыша со взрослым и сверстником), а также средство **обучения, развлечения** и даже **лечения** ребенка;
- **для ребенка** это — источник радости, **предмет** для творчества, а также психологическое **орудие овладения** ребенком предметным миром и собственным поведением.

Игрушка — **духовный образ** идеальной жизни, идеального мира, а кукла — образ идеального человека. Кроме того, игрушка — специфическое средство информационного воздействия. И значит, на нас, взрослых лежит ответственность за содержание этой информации.

О добре и зле в детской игре

В игре происходит постижение ребенком духовно-нравственной сферы бытия, становление *совести*, этой внутренней инстанции различения добра и зла, существующей в качестве естественного нравственного закона, «написанного в сердце». Здесь совесть определяет представления о добре и зле как нравственного мерил в оценке собственных поступков и поступков других людей. Для ребенка, во-первых, это первоначально обнаруживается в понятиях «хорошо/плохо, правильно/неправильно, должно/недолжно» и пр., применяемых, вернее, примеряемых ребенком к миру и к себе.

А во-вторых, совесть выступает как *со-весть* (этимологически — «совместное ведение, знание»), как сверхъестественное откровение ребенку о самой сути явлений в понятиях добра и зла; и здесь она может проявляться не столько в форме разумного осознания нравственного смысла чего-то, но прежде всего и преимущественно в форме эмоционального переживания, ощущения, предчувствия. В самом понятии совести есть и элементы познания («совесть заговорила»), и чувства («совесть обличает»), и воли («совесть удерживает от...»), соединенные воедино в ее «голосе». Различение голоса совести в себе и следование ее произволению формирует личностное качество *совестливости* — четкого отделения добра от зла в собственном поведении [5, 12].

Уже в течение 1-го года жизни ребенка в его сознании появляются предпосылки становления нравственно-духовной жизни как различения им добра и зла, должного и недолжного. Это содержание, пока самое смутное, есть и в самом ребенке, и в требованиях и ожиданиях окружающих малыша взрослых.

Вместе с тем, в самом ребенке, в самом его существе есть изначальное раздвоение на доброе и злое (как антиномия добра и зла), и при самых благоприятных условиях и того обаяния детства, чистоты и сияния, которые так притягивают нас, взрослых, все же наличествует в нем порой определенное уклонение ко злу, как бы игра света и тени. Внешне обнаруживаемое настойчивое стремление маленького ребенка ко злу зачастую проявляется как потребность в экспериментировании, в определении границ своих возможностей и однозначности требований взрослых [7]. Однако все существо ребенка желает добра и не желает зла, стремится к добру. Вертикальное пространство общения с Творцом, подобно лучам, пронизывает окружающий ребенка мир, все другие пространства его отношений: к природе, другим людям, себе самому как сопереживанию.

Долгое время считалось, что истоки сопереживания, доброта — внутри ребенка: в особенностях его нервной системы и психического склада. Позиция отечественной науки о детстве всегда была иной: эти качества, как и многие другие, формируются в совместной деятельности людей. Именно совместная деятельность, в которой происходит смена позиций — помогающего и страждущего, награждающего и награждаемого, — помогает ребенку осваивать различные модели поведения, строить образ собственного «я».

Может ли игрушка воспитать мальчика и девочку?

Осознание себя мальчиком или девочкой приходит к ребенку очень рано — на втором году жизни. Это первая личностная категория после имени, которую осваивает ребенок. С точки зрения воспитания в соответствии с полом ребенка как не-

обходимой составляющей его социализации и личностного развития, игрушка исключительно важна. Только понимать это нужно правильно. Ведь мы хотим из дочери вырастить девочку/девушку, а из сына мальчика/юношу. И нормальные взрослые не собираются преждевременно сексуализировать ребенка, растить в нем «озабоченного» эротомана.

Так называемый гендерный (имеющий отношение к различению мужских и женских социальных ролей) аспект в игрушке понимается учеными через понятия «антропоморфная игрушка» (традиционно человекообразная игрушка — куклы, «очеловеченные» животные) и «техноморфная игрушка» (современное оружие, машины, техника).

Игрушки для мальчиков. Это, конечно, всевозможное вооружение. Этого «добра» сейчас хватает на полках магазинов игрушек. Чего там только нет: и дубинки с наручниками, и нунчаки, и всевозможные ружья и пистолеты, а также базуки и гранатометы, лазерные пулеметы и ракеты. И все они настолько реалистично выглядят, что их можно запросто спутать с настоящим боевым оружием. В 80-х годах в Москве появилась банда грабителей, угрожавшая тремя пистолетами ночным прохожим и отбиравшая все ценное. Долго грабители были неуловимы, пока однажды вместо лепета от страха не услышали смех: «Кончайте, ребята, шутить. Знаю я ваше игрушечное оружие!» Оказалось, что девушка-продавщица из «Детского мира» несколько месяцев назад продала трем симпатичным юношам три игрушки — черные пистолеты-пугачи, так похожие на настоящие.

Солдатики? А точнее сказать вооруженные до зубов куклы мужского пола, с несметным количеством различного холодного и огнестрельного оружия! Воспитывают ли они столь необходимого нам защитника?

Еще дети древних народов играли таким оружием как нож, лук со стрелами, меч, только это были орудия защиты, и сделаны они были лишь похожими на оружие взрослых, но не их точными копиями. С их помощью маленький мальчик отождествлял себя со своим отцом, кормильцем и защитником семьи. Детям не позволялось поднимать любое оружие на людей. Такие игрушки использовались с целью тренировки глазомера, меткости, хладнокровия, необходимых для охотника и защитника. А ныне наши дети пользуются оружием не для защиты, а для нападения. Современный ребенок, беря в руки пистолет, сразу направляет его на какую-то мишень, причем живую, и, стараясь подражать своим любимым киногероям, воспроизводит те модели поведения, которые предлагаются в боевиках. При этом детское лицо превращается в маску злости и жестокости. И где гарантия, что она по окончании игры будет снята? Может так случиться, что роль понравится ребенку. И тогда он будет первой кандидатурой в группу риска.

Какова культура, таковы ее атрибуты — игрушки. В Историческом музее на замечательной выставке «На

детской половине» были представлены игрушки царской семьи. И там действительно были маленькие пушечки, сабельки, целые армии солдатиков, военные карты исторических сражений — игрушки царевича Алексея. Но это было больше похоже на обучение военному искусству, чем на игру в войну. Потрясающее чувство любви и радости от этих вещей. Конечно, для наших мальчиков — будущих мужчин — необходимы подобные игрушки.

Солдатики — это замечательные игрушки, дающие возможность и коллективного творчества мальчишек. С ними можно устраивать бои, постигать историю битв, а заодно налаживать взаимоотношения со сверстниками, уступать и настаивать, предлагать нестандартные решения. Особенно были хороши старые оловянные или пластмассовые солдатки разных эпох. К сожалению, у современных американских и разных других импортных солдатиков «зверская» мимика, перекошенные оскалом лица. (А человеческая мимика — это *очень важный социальный фактор*, ребенок реагирует на него особым образом, запечатлевая чувства, эмоции, перенося в дальнейшем их в реальность. Примеряет их на себя. Если с малышом не улыбаться и не говорить ему ласковых слов, а только кормить и пеленать, он зачахнет, как растение без солнца, достаточно увидеть младенцев из дома малютки, которым не повезло с няней, чтобы убедиться в необходимости положительных эмоций для полноценного развития ребенка [8].)

Важно, чтобы малыш ощущал себя воином, а не киллером. Одна воспитательница принесла мне из детского сада целую армию таких солдатиков с обезображенными яростью и злобой орущими лицами, окровавленными топорами и ножами, с рогами шлемами и автоматами, с черепами на поясе — жуть! Каждый из них не солдат-защитник, а скорее киллер-убийца. Кстати, такая кукла со всеми принадлежностями (от ножа до лазерного автомата) продавалась недавно в Детском мире. Папы, выбирающие подобную игрушку для своих сыновей, бессознательно, видимо, чувствуют свою беспомощность перед внешней силой и символически вооружаются сами, передавая свой страх сыновьям. В то же время, существует масса прекрасных игрушек для мальчиков: например, водный пистолет, или кегли, или разноцветная мишень с крохотными стрелами — дартс. Эта игрушка тренирует глазомер, рождает спортивный азарт, вырабатывает терпение.

Игрушки для девочек. Конечно, это, прежде всего, куклы. Куклы водились еще в Древней Греции, они были деревянные, восковые или глиняные; нередко же они делались с подвижными руками и ногами. В настоящее время куклы составляют необходимую часть игрушек всякой девочки в самых дальних уголках планеты — пусть из глины, соломы, дерева, голых небольших палочек, круглых камешков, обмотанных какою-либо тряпочкой, и т. д.

Куклы как миниатюрное подобие человека встречаются весьма часто при археологических раскопках. Чаще всего они несут религиозную нагрузку: культ домашнего очага, культ плодородия, обряды погребения и пр. Соседство кукол и обрядовых фигурок в Западной Европе встречается вплоть до XVIII века, особенно в связи со страшными магическими обрядами колдунов и ворожей, описанных и в художественной литературе XIX и XX веков. Европейские музеи, особенно немецкие и швейцарские, полны кукольных домиков, миниатюрных интерьеров, предназначенных для развлечения детей и взрослых.

В Петербурге на набережной Мойки в музее А.С. Пушкина в одном из залов в большой круглой витрине располагается странный экспонат. Он вполне напоминает кукольный дом, и каждая часть витрины соответствует комнате в дворянском особняке: вот гостиная, украшенная для бала, вот столовая с накрытым для обеда овальным столом красного дерева, стульями, буфетом, крошечной фарфоровой посудой и приборами, а вот небольшая комната с открытыми ящичками с пистолетами и другими принадлежностями для дуэли. «Как все по-настоящему в этом игрушечном доме», — подумалось мне. Экскурсовод сообщил, что эта игрушка-безделушка была подарена поэту и стоила 5 тысяч рублей — сумма по тем временам огромная. Разумеется, детям играть в нее не разрешали, они могли ее только созерцать.

Коллекционные куклы и 300 лет назад и сейчас в большинстве своем не являются детскими игрушками, это произведения искусства, дань моде. Однако эти красивые игрушки могут быть особыми предметами не столько для игры и манипулирования, сколько для любования. В куклы играли не только европейские девочки, но и мальчики; известно, что трехлетний Людовик Тринадцатый, как свидетельствуют описания и гравюры, играл и в куклы, и в мяч.

Кукла — это прообраз человека. Играя в куклы, девочка наделяет их качествами, свойствами, которые хотелось бы приобрести ей самой. Эти свойства могут быть различны, как различны ситуации, персонажи и пр. Поэтому старинные русские куклы — без нарисованного лица, эта кукла может испытывать различные эмоции, быть малышом и старушкой, невестой и девочкой [6].

Все, что в игрушках имеет отношение к хозяйству, дому, рукоделию, может быть очень полезно для девочки: это и кукольные наборы одежды, особенно для голыша, которые необходимо сшить или связать, это посуда и кухонные принадлежности для более старших девочек в играх «дочки-матери», это наборы «Для доктора», «Парикмахерская» и др. Это в том случае, если вы хотите для своей дочери традиционной и почетной для женщины жизненной стези — хорошей семьи, детей.

Детский фольклор и детская субкультура. «Гори-гори ясно»

Ребенок, как известно, живет одновременно в двух мирах, в двух системах: один — это мир иерархических связей (наклонная плоскость), система «Взрослый — Ребенок», а другой — это мир равных отношений (горизонтальная плоскость), система «Ребенок — Ребенок». В этих мирах существуют разнообразные игрушки, созданные взрослыми и придуманные самими детьми. Начнем с последних: палочка, кусочек ткани или меха, веревка, шишка, желудь, ракушка, а также гайка, пузырек из-под лекарств или духов, картонная коробка, катушка без ниток, пробка и пр., и пр. — все, что силой детского воображения может быть всем и что часто мы просто выбрасываем как хлам. Взрослые придумали и продолжают придумывать и изготавливать огромное количество игрушек, которые игрушками по сути не являются. Это скорее *модели и копии*: транспорта и домашней утвари, мебели и современного оружия — взрослые вещи маленьких размеров. Такие игрушки могут быть полезны ребенку, но они не должны преобладать, поскольку, как справедливо отмечал замечательный детский психолог А.В. Запорожец, «*Идеальная игра — не столько игра с игрушками, сколько игра воображения*». Игрушка как предмет для игры, как опора для внешних игровых действий, для разворачивания игрового сюжета — в этом заключается непреходящая ценность игрушки, и это прежде всего игрушка самая простая, или *изначальная*. Вот ее классификация.

Игрушки первичные, универсальные:

- звуковые (погремушки, бубенцы, свистульки и т. д.);
- двигательные (мяч, волчок, воздушный змей, лодка, машина и т. д.);
- оружие (древние лук и стрелы, меч и щит, солдатики);
- орудия труда (ведерко, лопата, молоток и пр.);
- образные (изображения животных, куклы, пр.);
- конструктивные (песок, глина, камушки, деревянные бруски и т. п.) [2, 10].

Подобные игрушки существуют у многих народов мира много веков, но самые древние из них — это *игрушки словесные*, различные прибаутки, песенки и короткие сказки для маленьких.

Игры с ребенком от 0 до 3 лет

В русской традиции каждое событие в жизни малыша, каждый первый его шаг в каком-то деле или повседневные занятия сопровождались особым действием и словами — ритмичными, напевными, забавными [14]. Вот купание:

*Водичка текуча,
Младенчик растучий,
Водичка вниз да вниз,
Младенчик вверх да вверх!*

С гуся — вода.

С Тимоши — худоба да хвороба.

— и окатывают ребеночка водой.

Или такое неприятное занятие, как стрижка ногтей, она может превратиться в сказочку, в ней действующие лица — пальчики малыша, которые мама подстригает:

Пальчик-мальчик, где ты был?

С этим пальцем в лес ходил,

С этим пальцем щи варил,

С этим пальцем кашу ел,

А с этим пальцем песни пел.

Это все — традиции пестования. Здесь игрушки и игры — самые немудреные. Те же пальчики малыша, тренируя которые, мы тем самым развиваем мышление ребенка, его речь, поскольку речевые области мозга формируются под влиянием импульсов, поступающих от пальцев рук. Поэтому сыгранная вами на ладошке малыша древняя «Сорока-ворона» или «Коза рогатая», а также другие пальчиковые игры — это, может быть, залог его будущих успехов в школе. Современные психологи разработали целое направление таких игр, основанных на народных традициях, — пальчиковый игротренинг.

Игры с пальчиками

Обнаруженные во Франции наскальные рисунки, которые датируются концом последнего ледникового периода, изображают мам, играющих со своими малышами, видимо, в эту игру.

Открой их и закрой их (ваши руки).

Открой их и закрой их,

Положи их на свою коленку!

Пусть они ползут, пусть они ползут

(продвигайтесь вверх по ножке ребенка).

Ну-ка, хлопни в ладоши!

Еще раз сильнее!

Широко открой свой ротик,

Но не пускай их в него! (подвигайте пальцами вперед-назад возле своего рта) [11].

Русские мамы и няни придумали другие игры, похожие на эту. Медленно и осторожно водим пальчиком малыша по его ладошке с такой прибауткой:

Сорока-ворона, кашку варила,

Кашку варила, деток кормила.

Этому — дала (загибайте один пальчик малыша, потом все остальные, кроме одного)

А этому не дала.

Ты кашу не варил,

Ты дрова не рубил,

Ты воду не носил —

Нет тебе ничего!

Мало кто знает, что любимая всеми «Сорока-ворона» не заканчивалась похлопыванием бездельника-мизинца:

Ты дров не носил,

Ты печку не топил,

Ты воду не носил —

Нет тебе ничего!

Игра имела продолжение, взрослый, держа ребенка на коленях, говорил:

Знай наперед:

Тут водичка холодненька

(и поглаживал запястье ребенка),

Тут тепленька (поглаживал у локтя),

Тут горяченька (поглаживал у плеча),

А здесь — кипяток, кипяток, кипяток!

(И щекотал малыша подмышкой.)

Смысл пальчиковых игр не только в развитии пресловутой мелкой моторики ребенка. Она дает ощутить радость телесного контакта, прочувствовать и назвать свои пальчики, ладонь, локоть, плечо — «осознать себя в системе телесных координат, в конечном счете — сформировать схему собственного тела». Это предотвращает возможность возникновения многих неврозов в дальнейшем, дает человеку чувство уверенности и самообладания [2, 11, 14]. Недаром игры по типу «Сороки» встречаются у многих народов. Можно предложить ребенку загибать и разгибать в кулачок пальчики как левой, так и правой руки, используя следующие игровые стишки:

Этот пальчик — дедушка,

Этот пальчик — бабушка,

Этот пальчик — папочка,

Этот пальчик — мамочка,

Этот пальчик — я.

Все вместе — дружная семья.

Или:

Этот пальчик хочет спать.

Этот пальчик — прыг в кровать!

Этот пальчик прикорнул.

Этот пальчик уж заснул.

Встали пальчики. Ура!

В детский сад идти пора.

В этих стишках можно сгибать пальцы, начиная то с большого, то с мизинца, то на правой, то на левой руке. Для тренировки пальцев могут быть использованы упражнения и без речевого сопровождения. Если упражнения вызывают у детей некоторые трудности, то родители помогают ребенку удерживать остальные пальчики от произвольных движений.

Игрушки, необходимые ребенку в раннем возрасте

0—6 месяцев

1. Погремушки (кольца, шар с ручкой, типа гантели).
2. Разноцветные висячие погремушки-гирлянды на резинке.
3. Колокольчики на ленте.
4. Игрушки-пищалки.
5. Неваляшка.
6. Разноцветные воздушные шары разного размера.

В этом возрасте игра — это исследование окружающего мира, предметов, людей и своих возможностей. Важно дать ребенку максимальное «задействование» всех его органов чувств, ему нужны стимулы

для созерцания, слушания, ощупывания, бросания, пробования на вкус. Очень важный социальный стимул — человеческое лицо. Детские психологи советуют вешать над кроватью картонный овал лица с глазами. Православные мамы замечали, что совсем маленькие детки подолгу могут рассматривать иконы в «красном углу», их привлекает и свет лампадки.

6—12 месяцев

1. Тряпичная кукла — самая простая.
2. Животные с различными поверхностями «шкурка».
3. Игрушки для жевания, кусания.
4. Пирамидка малая с кольцами, можно одноцветными.
5. Бубен, металлофон, др. музыкальные игрушки.
6. Сумочка, корзинка.
7. Коробочки или чашки, складывающиеся одна в одну.
8. Мячи разных размеров.
9. Книжки с крупными картинками.
10. Игрушки для игр с водой.
11. Кукла бибабо (надевающаяся на руку) — для взрослого в установлении общения с ребенком и для ребенка как посредник позитивного общения и взаимодействия.
12. Качели.

В этом возрасте главное в игре малыша — подражание, которое выражается в многократно повторяющихся действиях, в имитациях звуков: машины, собачки, кошки, петушка.

После 1,5 лет

1. Набор кубиков разной величины.
2. Свисток, дудочка.
3. Набор матрешек.
4. Конструкторы, складные крупные формы.
5. Кукла-голыш с одеялом.
6. Машинка с кузовом и с веревочкой.
7. Куб с крышкой, в сторонах которого отверстия различной формы, и вкладыши.
8. Мелки, карандаши.
9. Парные картинки, лото.
10. Набор со шнуровкой.
11. Пластилин.
12. Набор для игры в песок.

Ребенку этого возраста важно отображать действия с предметами: кормить, купать, причесывать куклу «понарошку», возить машинку, строить дом, башню и пр.

Около 3 лет

1. Модель дома.
2. Пазлы — для составления целого из частей.
3. Фигурки животных с детенышами (можно лото «Найди маму»).
4. Кукольная одежда и куклы.

5. Детские ножницы и набор бумаги.
6. Кегли.
7. Игрушечные часы.
8. Губная гармошка и др. музыкальные детские инструменты.
9. Меч и щит.
10. Солдатики и простое вооружение.

Ребенок исполняет принятую роль, совершая последовательный ряд игровых действий, при этом представляет себя в позиции, соответствующей собственному полу. Важно взрослому этот момент отследить и внимательно отнестись к ситуации грубого несоответствия половой принадлежности ребенка его игровым ролям и поведению вообще.

Старые игрушки могут использоваться по-новому, поэтому приведенный их перечень не является обязательным, а лишь ориентировочным для обучения ребенка игре. Да-да! Ребенка надо учить играть, адекватно действовать с предметами, чтобы подготовить к его переходу в новую возрастную категорию — дошкольный возраст, когда меняется содержание самой игры, поскольку появляется фигура сверстника и детская группа, задающая собственные требования, реализующая все богатство традиционного детского фольклора, *детской субкультуры*.

Что такое детская субкультура

По сути дела, настоящая игра (а это игра с правилами) возможна лишь в горизонтальной (Ребенок — Ребенок) плоскости отношений, в детской субкультуре — особом смысловом пространстве связей, разворачивающихся на почве традиций любого народа в ту или иную эпоху. Детская субкультура — все, что создано взрослыми для детей, но это и мир, который дети создают «для себя», объединяясь в группы, сообщества. Детские сообщества, как оказалось, возникли в незапамятные времена и, может быть, значительно раньше, чем даже нуклеарная — «ядерная» семья (отец — мать — дитя).

В общечеловеческой культуре детская субкультура занимает подчиненное место и, вместе с тем, она обладает относительной автономией, поскольку в любом обществе дети имеют свой собственный язык, различные формы взаимодействия, свои моральные регуляторы поведения, весьма устойчивые для каждого возрастного уровня и развивающиеся в определенной степени независимо от взрослых [9].

Содержанием детской субкультуры являются групповые игры, носящие особый интерактивный (коллективный, взаимодействующий) характер, предполагающие строгие правила, смену позиции в игровом процессе, постановку себя на место другого. К ним относятся такие традиционные для России игры, как «Лапта», «Горелки», «Казачки — разбойники», «Жмурки», «Бояре» и многие другие.

Один пятилетний мальчик сказал своей любящей и любимой маме, которая не пускала его во двор из

благих соображений безопасности: «*Мне надо ребенок, а ты не ребенок!*» — детям всех возрастов необходимо сообщество сверстников. Детское сообщество, детская субкультура — равноправный (с семьей) институт воспитания ребенка на протяжении тысячелетий (не меньше!). Именно она, детская субкультура, дает так необходимое ребенку ощущение подлинного равенства — горизонтальную плоскость отношений с миром. Именно она накопила несметное богатство детского фольклора: считалки и страшилки, дразнилки и мирилки, песенки и загадки, традиционные коллективные игры по принципу «Один за всех и все за одного», которые сейчас тихо погибают, потому что прервалась традиция передачи их от одного детского поколения к другому.

Игры со сверстниками предоставляют ребенку широкое поле для интеллектуального и морального тренинга, опробывания себя и своих возможностей, понимания другого человека. Подчеркнем еще раз, что традиционная игра — не просто воспроизведение детским сообществом внешней формы исторически сложившихся отношений взрослых, а переосмысление им этих отношений и определение своего самобытного места в мире.

Творческая переработка опыта предшествующих поколений в игре является условием возникновения широкого круга явлений детской субкультуры, таких, как различные жанры детского фольклора, обслуживающего игру. К ним, в частности, относятся: **считалки** («Аты-баты, шли солдаты...», «На златом крыльце сидели...», «Вышел месяц из тумана...» и др.). Например, замечательная своим древним архетипическим содержанием считалка:

*Катилася торба
С великого горба.
В этой торбе —
Хлеб, соль,
Вода, пшеница.
Кто с кем
Хочет делиться?*

Обратите внимание на загадочность и потому «впечатываемость» самого образа космического значения: некоего вместилища (Кем-то данного!), катящегося сверху, с горы, в котором есть все для жизни — и вода, и хлеб, и соль, и пшеница как будущий хлеб, над которым надо еще потрудиться. И всем этим надо делиться с другими («даром получили — даром отдавайте»).

При этом считалка не просто проговаривалась, а игралась — ритмично распевалась каким-то ребенком в кружке сверстников, это было особое действие, и находились гениальные его исполнители-дети, которые, скандируя и пританцовывая, особым образом подготавливали детей к игре.

Жанр считалки является уникальным, не имеющим аналогов во взрослом фольклоре, и представляет собой вместе с жеребьевками (типа: «Матки-матки, чьи заплатки: Травка или булавка? Солнце или

месяц? Грудь в крестах или голова в кустах? и пр.) своеобразную прелюдию к игре, необходимый ее атрибут и культурно оформленную реализацию до-игровых и вне-игровых отношений (точнее — параигровых). Именно благодаря считалке устраняются нежелательные конфликты в детской среде по поводу игры (кому водить? кто будет первым? и пр.) и обогащается репертуар игровых форм.

Регуляция игровой деятельности оформляется и другими формами детского фольклора, такими, как **дразнилки** (именные — для мальчиков и девочек) типа «Андрей-воробей, не гоняй голубей, голуби боятся, к тебе не садятся» или «Ленка — грязная коленка», а также дразнилки, высмеивающие детские недостатки и проступки: ябедничество, хвастовство, трусость, плаксивость, жадность, например, «Жади́на-говя́дина, соленый огурец, по полу валяется, никто его не ест» или «Плакса-вакса-гуталин, на носу горячий блин!», «Трус-трус-боягус! На войне сражался, как увидел пулемет — сразу испугался», «Васька-хваста, съел кошку без хвоста» и др. Благодаря таким малым формам детское сообщество осуществляет функцию воспитания. Дразнилки тренируют эмоциональную устойчивость и самообладание ребенка, формируют умение защитить себя от нападок сверстников в адекватной форме словесной самозащиты (например, ответить дразнилкой-отговоркой типа: «Кто так обзывается, тот сам так называется», «Обзывайся целый век, я — хороший человек!»).

Тогда это не жестокий мордобой, а словесный турнир. И последнее слово останется за тем «воином», у кого и самообладание лучше, и вариантов приемов больше. А затем обязательно нужно помири́ться, и в детском фольклоре существуют особые ритуалы мирения, например: нужно встать лицом к друг другу и, взявшись мизинцами правых рук, проскандировать такую (или другую) мирилку:

*Мирись, мирись, мирись
И больше не дерись,
А если будешь драться,
То я буду кусаться,
А кусаться ни при чем,
Буду драться кирпичом,
А кирпич ломается —
Дружба начинается.*

А для малышей можно и проще:
*Ир-ир-ир.
Наступил мир.
Ба-ба-ба,
Снова друж-ба!*

Это — замечательные игрушки, только словесные. Учить детей пользоваться ими необходимо [8]. Жаль, что, тысячелетиями передававшиеся от одного детского поколения к другому, эти поэтические формы детского фольклора: считалки, заклички, дразнилки-мирилки, былички и пр., — утрачиваются совсем, особенно в больших городах и заменяются фразами из телерекламы, криминальным слэнгом,

умопомрачительными инокультурными словечками типа «супер», «класс», «вау» и др. Традиционные «словесные игрушки» — подлинны́е охранители детства.

Фольклорная традиция, вобравшая в себя социальный и интеллектуальный опыт многих детских поколений, предоставляет ребенку-дошкольнику готовые способы решения жизненных проблем в детском сообществе.

Эволюция страшилки

Изменение содержания и форм детского фольклора можно проследить на примере страшилки. В российской культуре пестования (нянчания) маленьких детей существуют традиционные малые стихотворно-двигательные формы общения и игрового взаимодействия взрослого и ребенка — «пугалки» типа:

*Идет коза рогатая
За малы́ми ребятами,
Кто кашку не ест,
Кто молочко не пьет,
Того — забодает!*

При этом взрослый изображает «козу» и делает «страшные» глаза, что сначала несколько настораживает и легко пугает малыша, а затем вызывает веселый смех, к которому присоединяется и взрослый.

В два—пять лет пугалки становятся более энергичными и сопровождаются сильным ритмичным подбрасыванием ребенка на коленях:

*Поехали к бабке, бабке, бабке
На хромо́й лоша́дке, лоша́дке, лоша́дке.
По ровной дорожке — на одной ножке.
По кочкам, по кочкам!
И — в яму — бух!*

Взрослый сначала плавно покачивает ребенка, а в конце — раздвигает колени, и малыш как бы проваливается «в яму», но взрослый его подхватывает в последний момент, что вызывает сначала страх малыша «понарошку», а затем бурную радость от благополучного «приземления». В более позднем — дошкольном и младшем школьном возрасте страшилки получают развитие в автономной детской среде и принимают форму быличек ужасного и трагического содержания, типа: «В одном чернов-черном лесу стоит черный-черный дом. В этом черном-черном доме есть черная-черная комната. В этой черной-черной комнате стоит черный-черный стол. На этом черном-черном столе стоит черный-черный гроб. В этом черном-черном гробу лежит ... маленький розовый поросеночек». В этом микроспектакле присутствует и кульминация и благополучная развязка. В страшилках могут присутствовать опасные и загадочные явления, бандиты, мертвецы и пр., и все это является некоторыми аналогами переживания высокой трагедии, страха, но «не до смерти», и последующего психологического катарсиса. Для ребенка прохождение через испытание страшилкой (как правило, дети ее рассказывают в темной комнате поздно ве-

чером «замогильным» голосом) сродни архаическому обряду инициации, который определяет возможность перехода на более высокую возрастную ступень. Этот, видимо, относительно новый жанр детского фольклора, «обнаруженный» лишь 40—50 лет назад, получил свое достаточно широкое распространение в 70-е и в начале 80-х годов нашего века.

В начале — середине 80-х годов появилась в детской среде еще одна форма страшилки — так называемые «садистские стишки» типа:

*Дети в подвале играли в гестапо.
Зверски замучен слесарь Потапов.*

Или:
*Девочка Света нашла пистолет,
Больше у Светы родителей нет.*

Или:
*Мальчик в канаве ножик нашел,
Завуч из школы домой не пришел.*

Обратите внимание, «жертвами» убийственных фантазий становятся взрослые, часто самые близкие, но иногда может быть и обратная ситуация:

*На суку висит ребенок
От мороза розовый.
Это папа с ним играл
В Павлика Морозова...*

Чудовищное сочетание страшного и смешного в этих стишках, кощунственное обращение детей к запретным темам и нарушение нравственных норм в словесной форме обеспечивает переживание «радостного ужаса», а в более старшем возрасте — циничного глумления, свидетельствуя о дегуманизации общественной жизни и демонизации детского сознания в последние десятилетия [13]. Определенная поэтизация жестокости, особенно в подростковой среде, когда «совесть отступает перед блеском остроумия», создает парадоксальную логику «антимира», создаваемого в детской субкультуре сегодня

Развитие подобных форм детского фольклора в последние годы, безусловно, свидетельствующих об изменении детского сознания, требует пристального изучения подобных трансформаций в детской субкультуре. А с нашей стороны — помощь и возвращение детям утраченных и забытых форм детского фольклора — считалок, загадок, хороводов, песенок и пр., «отработанных» и отшлифованных тысячами детских поколений, исполненных доброты, юмора, оптимизма.

Такой «черный юмор» с элементами иронии и остроумия, поставленными выше требований совести и ответственности, имеет свои причины социального и психологического плана, в частности, воздействие СМИ, игрушек, детской литературы (например, Г. Остер и др.), однако ясно одно, что детям от старшего дошкольного возраста это **нравится, они испытывают потребность в такого рода коллективном соревновании в проговаривании смертельно ужасного, которое осмеивается**. К этому добавим

моду на атрибутику и одежду с изображением смерти, разрушения, дисгармонии (череп, монстры, черные тона маек, игрушки-чудовища и пр.).

С чем связана эта потребность? Каковы факторы, влияющие на нее, — генетические, психологические, социальные?

Становятся печально известными рост преступлений несовершеннолетних, его омолаживание и одевичивание. Страшные преступления, отличающиеся особой жестокостью и изощренностью. Дети 6—8 лет, мучающие, а затем убивающие голубей, кошек, собак. Шестилетний мальчик, откручивающий голову цыплятам и пьющий их кровь в присутствии плачущих от страха малышей, — будущий Чикотило? Каковы истоки этих явлений?

Для современных условий характерно сокращение физического пространства для детских игр в городах и сельской местности, территориальная разобщенность детей, разрыв между детскими поколениями, влияние средств массовой информации и др. Под влиянием причин социального, экономического и психологического характера происходит деформация содержания детской субкультуры: обеднение репертуара детского фольклора, утрата устных текстов, примитивизация, а порой и исчезновение коллективных игр и т. п. процессы. Следствием этого являются, по мнению специалистов, рост детских неврозов, отчуждение детей от взрослых и сверстников, противоправное поведение.

Преступное руководство к действию

Три года назад Уполномоченный по правам ребенка г. Москвы подал иск в прокуратуру об изъятии из продажи книжек-брошюр, предназначенных для детей: «SMS для мальчиков» и «SMS для девочек» (автор-составитель Чэслав Мирославович Адамчик), изданных дополнительным тиражом в 100100 экз. У чиновника, призванного охранять права детей, видимо, были для этого шага веские основания. Судите сами:

- *Хорошо алкоголиком быть, как кораблик, по улицам плыть, и приятно подумать о том, что под каждым забором твой дом.*
- *Ничего на свете лучше нету, чем набить травой сигарету! Наш ковер — цветущая поляна, там растёт трава марихуана! :-)*
- *Так как жизнь у нас одна — живи смело старина. Пукай громко, рыгай вслух, подстриги на х... пух, пей, гуляй, колись, дерись, каждый день, как бык, е...сь!*
- *Возьми его в руки. Дотронься губами. Он твердый как камень. Попробуй на вкус и прижмись щекой голой, мой самый любимый стакан с кока-колой!*
- *Каждый день берешь ты в рот, водишь нежно взад-вперед. И горит в оргазме рот, жидкость белая течет, правда классная находка та твоя зубная щетка?*

— *Наша Таня типа плачет — Уронила типа мячик. Нет бы ей прикинуть, дуре, — Не утонет он в натуре.*

Таких перлов около 300 — и все для мальчиков и девочек...

Правоохранительные органы обратились за мнением ученых и специалистов. Вот одно из них.

«...Преступно само использование хорошо известных каждому ребенку атрибутов детской жизни: стишков, сказок, детского фольклора, игрушек и пр. в чудовищном виде и развращающем ключе, активно наркотизирующем, сексуализирующем и танатизирующем¹ сознание ребенка».

Известное стихотворение К.И. Чуковского: «Убежало одеяло, улетела простыня, и подушка, как лягушка, убежала от меня, я за свечку — она в печку. Я за книгу — та бежать. Больше анашу такую я не буду покупать». Колыбельная: «Спи, моя радость, усни! В морге погасли огни, Трупы на полках лежат, Мухи над — ними кружат! Спи, моя радость, усни...». Любимая детская игрушка в стихах А.Л. Барто: «Уронили мишку на пол, Оторвали мишке лапу, выбили все зубы сразу, Больно врезали по глазу, Вырвали кишечник, бронхи, стал он маленький и тонкий. Все равно его не брошу, потому что он хороший». Или еще: «Уронили мишку на пол. Оторвали мишке лапу. Откусили ему ухо. Распороли суке брюхо, х... засунули в желудок, сдохни, плюшевый ублюдок!» — в книге напечатано без купюр.

Это все образцы посланий, которыми могут обмениваться дети (а мы знаем, что уже у шестилетних появляются мобильные телефоны, только не все шестилетки умеют читать, слава Богу, но у них прекрасная память).

Смещение смысловых акцентов в детском сознании с хорошо известных бытовых предметов и традиционной детской атрибутики (песен, стишков, игрушек и пр.) в сторону агрессивности, потребления наркотических средств, некрофилии как нормы поведения самым прямым образом направлено на деморализацию детского сознания, на формирование немотивированной агрессии, фиксированности внимания к сексуальным извращениям, а также направлено на общее нанесение ущерба психическому здоровью и нравственному развитию детей.

Снимаются естественные для человеческой и особенно ранимой детской психики табу и внутренняя цензура по поводу глумления над смертью и страданиями, что не может не привести к серьезным психическим и личностным нарушениям ребенка, к нравственным деформациям его будущих социальных отношений [3].

Автором-составителем и издательством цинично

использовано доверие ребенка к печатному слову, к книге, изданной, тем более, в известном издательстве, специализирующемся на выпуске детской литературы. Это обуславливает особую силу растлевающего содержания брошюр, данное содержание носит, по существу, применительно к ребенку специфический суггестивный (внушающий) характер.

Исследуемые материалы направлены на формирование в массовом сознании и, прежде всего, в сознании несовершеннолетних негативных социальных установок, на пропаганду жестокости, криминального образа жизни, употребления алкоголя и наркотиков детьми, побуждают к совершению противоправных действий.

Содержание текстов направлено на дискредитацию норм и разрушение ценностей общественной морали, они содержат в себе элементы порнографии и половых извращений, направлены на сексуализацию детского сознания и общую деморализацию психики, на формирование в массовом порядке в детском сознании установок, стереотипов поведения преждевременного сексуального развития, побуждают к совершению девиантных форм сексуального поведения и могут быть оценены как интеллектуальное растление, развращение несовершеннолетних».

Недавно сообщили, что прокуратура закрыла это дело за отсутствием состава преступления...

Может быть, действительно, в этих книжках нет ничего особенного?

Нормальный ребенок — это играющий ребенок, который осваивает различные способы действия с игрушкой как предметом, а также игровые правила и нормы общения со взрослыми и сверстниками. Казалось бы, это естественная потребность и способность ребенка — играть. Какое богатство и разнообразие игрушек предоставлено ему! Однако, по наблюдениям психологов всего мира, *дети перестают играть* (что бы вы сказали, если птицы перестали бы петь, цветы цвести, а зайцы прыгать?). Поэтому они находят иные формы совместной деятельности, которые им предоставляет культура взрослых, мы с вами. Одни находят подвалы и чердаки, другие — компьютерные клубы и интернет. Неизвестно, что лучше, вернее, что хуже. Вспомните игры своего детства — для сравнения. Скажем — технический прогресс? Как сказал поэт, «все прогрессы реакционны, если рухнет человек».

Мы увидели, что в детской игре воплощены представления о добре и зле. Без доброты — этой внут-

¹ Танатизация (от греч. танатос — олицетворение смерти) — патологическая поэтизация смерти, разрушения, деструкции, навязываемая массовому сознанию. Снятие табу на отвращение к подобным вещам, ослабление и уничтожение нормальной внутренней цензуры особо опасны для детей и чреваты не только личностными деформациями, но и патологическими изменениями.

III Всероссийский конкурс психолого-педагогических программ «Новые технологии для "Новой школы" — 2011»

Организаторы: Федерация психологов образования России, Московский городской психолого-педагогический университет, Центр практической психологии образования при поддержке Департамента государственной политики в сфере воспитания, дополнительного образования и социальной защиты детей Министерства образования и науки Российской Федерации.

Цель Конкурса — повышение качества психолого-педагогических программ, реализуемых в образовательных учреждениях Российской Федерации.

К участию в Конкурсе допускаются авторские психолого-педагогические программы, апробированные в образовательных учреждениях Российской Федерации и имеющие положительные отзывы руководителей образовательных учреждений, в которых проходила апробация.

Номинации Конкурса:

- I. Профилактические психолого-педагогические программы.
- II. Коррекционно-развивающие психолого-педагогические программы.
- III. Развивающие психолого-педагогические программы.
- IV. Диагностические психолого-педагогические программы.
- V. Образовательные (просветительские) психолого-педагогические программы.

Подведение итогов Конкурса состоится 12 июня 2011 г.

Сайт: www.rospsy.ru

рненной гармонии — при всем внешнем несовершенстве мира и вопреки ему нормально развиваться и жить невозможно, можно только «выживать». Добрые отношения, такие, как сорадование и сострадание — есть «идеальная норма» нашего времени, без установления и исполнения которой мир погибнет, ибо сейчас он стоит у последней черты. Ребенок изначально обладает способностью, вернее, искусством быть добрым, и те условия, которые создаем ему мы, проявляют или приглушают этот дар. Мы, взрослые, — это не только мама, папа, бабушка, учитель или врач, милиционер или дворник, это: телеэкран и компьютер, вывески на улице и метро, радио, книги и игрушки. Культура — это «совокупный Взрослый», до которого ребенку еще надо дотянуться, карабкаясь по «наклонной плоскости» человеческих отношений.

Детские журналы и кинофильмы, телепередачи, мультфильмы, игрушки и книги требуют пристального внимания взрослых — не только с санитарной, но и с духовно-нравственной точки зрения, поскольку некачественный материал, наносящий физический вред ребенку, может быть устранен, его воздействие может пройти бесследно, а растлевающее душу содержание незаметно, но оно способно нанести, порой, непоправимый вред, воздействие которого скажется много позднее. И на нас, взрослых, лежит вся мера ответственности за это.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абраменкова В.В. Сорадование и сострадание в детской картине мира. — М., 1999.
2. Абраменкова В.В. Воспитание игрой. Играем вместе с ребенком. — М.: Лепта Книга, 2008.
3. Абраменкова В.В., Понкин И.В., Пристанская О.В. Концепция проекта федерального закона «О детской игрушке». О необходимости совершенствования законодательства о детской игрушке и компьютерных и иных электронных играх. — М., 2008. — С. 3—20.
4. Аксенова Ю.А. Символы мироустройства в сознании детей. — Екатеринбург, 2000.
5. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М., 1968.
6. Дайн Г.Л. Русская игрушка. Альбом. — М.: Советская Россия, 1987.
7. Ермолаева М.В., Миланович Л.Г. Методы работы психолога с детьми дошкольного возраста. — М., 1996.
8. Калинина Р.Р. Тренинг развития личности дошкольника. — СПб, 2002.
9. Лотман Ю. Феномен субкультуры // Труды по знаковым системам, 10. Семиотика культуры / Уч. зап. ТГУ. — Вып. 463. — Тарту, 1978.
10. Психология развития. Словарь / Под ред. А.Л. Венгера // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в 6 томах / Ред.-сост. Л.А. Карленко; под ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2005.
11. Рузина М.С., Афонькин С.Ю. Страна пальчиковых игр. — СПб, Кристалл, 1997.
12. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. — М.: Школьная Пресса, 2000.
13. Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. — Ульяновск, 1995.
14. Шпилицына Л.М. и др. Азбука общения. — СПб, 2002.
15. Эльконин Д.Б. Психология игры. — М.: Просвещение, 1989.